

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI ROMA «LA SAPIENZA»

FACOLTÀ DI LETTERE E FILOSOFIA

DIPARTIMENTO DI STUDI SLAVI E DELL'EUROPA CENTRO-ORIENTALE

Collana Saggi

Розелла Винтерниц Де Вито

Звезда в поэзии В.И. Иванова

LA FENICE EDIZIONI

РОЗЕЛЛА ВИНТЕРНИЦ ДЕ ВИТО

ЗВЕЗДА В ПОЭЗИИ В. И. ИВАНОВА (*)

Сотворшему свѣтила велія единому:
іако въ вѣкъ милость его:/
солнце во область дне:
іако въ вѣкъ милость его: /
луну и звѣзды во область ноши:
іако въ вѣкъ милость его.

(Псалом 135, 7-9)

Звезда, которая горит в ночи или которая является “вестницей Зари”¹, занимает в поэзии В. Иванова обычное место в традиционной космологии. Но чтобы понять ее смысл в эмоциональном эквилибрии поэтики Иванова, мне кажется необходимо остановиться на особенном диалектическом мировоззрении, которое я называю космогонической концепцией Иванова, как это трепетно ощущается в его стихах. Мы легко можем отметить, что эта концепция основывается на главной антиномии между небом и землей. Небеса, царство Бога, недоступны человеку, который, сотворенный подобным Богу, убил в себе Бога Отца. Его господство только на земле, где он злоупотребляет своим положением; но если он хочет с любовью постичь смысл земной жизни, не чтобы господствовать, но чтобы существовать, то этот смысл исчезает от него во мраке. Поэтому человек в своей жажде истины и познания обращается к небу², которое и посылает ему

(*) Выступительная статья на Secondo Convegno Internazionale di Studi Ivanoviani “Vjačeslav Ivanov e la cultura del suo tempo”, Roma, 24-28 maggio 1983.

¹ Иванов В.И., *Утренняя звезда*, в сборнике стихов *Кормчие звезды*, Собр. соч., Т. I, Брюссель 1971, с. 524.

² Духовный и творческий путь самосознания универсального человека, данный, например, в поэме *Человек*, Иванов В.И., Собр. соч., Т. III, Брюссель 1979, сс. 195-242.

свой знак – звёзды. Действительно, антиномия между небом и землей преодолевается в какие-то мгновения ночи, когда на горизонте исчезает демаркационная линия и Дух ночи “бездне – бездной” отвечает³, когда две противоположные необъятности общаются и любят друг друга.

Однако земля является также соперницей неба, и как адская пропасть, притягивает к себе творения (человек и звёзды), срывая их с места и пути, намеченных им божественной волей. Но человек, обладающий свободой и выбором, может различать добрые и злые силы и отличить любовь спасительную от губительной, может “во тьме глубокой / Гореть звездой, и ждать”⁴.

Антиномия снова преодолевается обликом Матери-земли, которая кормит, которая вызывает гниение, чтобы вновь вызвать расцвет. Также и небо кормит вселенную, посылая солнечные лучи; с небес исходит творение. Антиномия снова преодолевается и одновременно выражается в поэме *Человек*, в которой мы читаем “небесная земля”. Для Иванова, как и для Тютчева, в земле заключена частица небесного.

* * *

Антиномии между небом и землей соответствует антиномия между светом и тьмой:

Когда лазурь – как опахало
Над Афродитой золотой,
Как баснословное зеркало –
Пред нею вод металл литой:

Вдруг вал озлобится, захлещет,
Похитит ветер паруса,
И море мраком оклеветает
Безоблачные небеса.⁵

³ Иванов В.И., *Дух*, в сборнике стихов *Кормчие звезды*, Собр. соч., Т. I, с. 518.

⁴ Иванов В.И., *Ночь в пустыне*, в сборнике стихов *Кормчие звезды*, Собр. соч., Т. I, с. 533.

⁵ Иванов В.И., *Человек*, Собр. соч., Т. III, с. 198.

Свет исходит с небес, а тьма – одновременное отсутствие света на небе и проекция тени земных вещей, затмевающих небесные. Естественное противопоставление дня ночи не имеет большого значения в вневременном характере (см. далее) этой поэзии, так как если день открыт солнцу, которое питает, вызывает расцвет, ночь, которая пылает, часто дарует невообразимые богатства; таким образом антиномия свет-тьма преодолевается в изображении жизнеспособной, плодотворной ночи, опыта познания, роста личного и коллективного сознания, то есть всего сущего⁶.

Важность и богатство темы ночи являются постоянными факторами в поэзии всех эпох. Из современных Иванову поэтов я ограничусь здесь лишь упоминанием И.Ф. Анненского⁷, высоко ценимого Ивановым. И также хочу напомнить о “черном солнце” языческой, глубокой, созидательной ночи Цветаевой⁸. Однако контрастом этим двум поэтам можно подчеркнуть библейский смысл ивановской ночи – эхо творческого наследия Отцов Церкви. Оглядываясь назад, в прошлое, можно найти литературное воплощение этой темы в знаменитых стихах Лермонтова, где тема ночи связана с библейской темой пустыни:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит⁹.

---

⁶ См. совершение ночного таинства, например, в стихотворении *Ночь в пустыне*, которое я считаю особенно знаменательным выражением идеи и поэтической концепции Иванова. Собр. соч., Т. I, сс. 527-534.

⁷ В поэтическом мире Анненского, трепещущему свету, пылающему ночью в небе, другу ночного труда вселенной напряженно воспринимающей вечность и одновременно отсчёт времени, часто соответствует трепет и таяние свечи, ночной подруги человека, который, дрожа от тайн непознаваемого, живет, чувствует и познает таинственную ночь. См., например, *Свечка гаснет*, цикл *Бессонницы*, *Nos-turno* Анненского, а также сравните темы стихотворения *Бессонница* Тютчева.

⁸ ЦВЕТАЕВА М.И., *Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая*, из цикла *Бессонница*; *Избранные произведения*, Москва-Ленинград 1965, сс. 89-90. Героическая ночь Цветаевой полна языческого мистицизма. В ее поэзии ночной мрак придает созданному ею пейзажу огромность и единичность, и придает единичность и огромность поэту, как мыслящему субъекту, который ищет своего отождествления именно со мраком всеобъемлющим.

⁹ ЛЕРМОНТОВ М.Ю., *Выхожу один я на дорогу* (1841); Собр. соч. в четырех томах, Москва 1975-1976, Т. I, с. 123.

В самом деле, в начале ивановского стихотворения *Ночь в пустыне* мы можем отметить основные мотивы лермонтовского четверостишия: “Мы одни в ночной тиши”, “Пей сладкий мир”, “Белея, скал ступени ведут на каменное дно”, “В пустыне ты”; кроме того, размышлению Лермонтова “Пустыня внемлет богу” соответствует опыт человека в *Ночи в пустыне*, вынужденного интенсивно пережить ночной момент Пришествия Иисуса и провозгласить Новое Пришествие: “Я жду: вернется полночь эта”¹⁰.

* * *

Антиномическое мировоззрение, которое можно проследить на всем творчестве Иванова и на отдельных его фрагментах, является основным и главенствует в стихиях пространства и времени. В поэзии Иванова природа, вселенная, небо и земля являются неизменными во все времена. Прошлое и будущее являются идентичными, равно как они идентичны настоящему. Драма познания, драма сознания являются идентичными в каждый свой момент, и каждый момент идентичен полному становлению своего процесса. Драма любви является драмой познания, трудность заключается в распознании ее истинного объекта. Счастье находится вне временного измерения.

Пространственные размеры трансцендируются в глубинную внутреннюю необъятность, таким образом вечное есть то, что находится вне времени, которое является обманом и видимостью. Пространство, как ограничение, преодолевается в безмерности любовью; протяженность времени неразрывно связана с понятием тленности, тленности жизни:

“Дай мне любить все, что восторгов пленных
 Достойно там;
 Дай мне вместить кумиров много тленных
 В мой тленный храм!”¹¹.

Так молит “Неживший дух”¹², который жаждет земной жизни, “воплощения”, вызывая порицание небес. В самом деле, “тлен-

¹⁰ Иванов В.И., *Ночь в пустыне*; Собр. соч., Т. I, сс. 527-534.

¹¹ Иванов В.И., *Воплощение*, в сборнике стихов *Кормчие звезды*, Собр. соч., Т. I, с. 520.

¹² Там же, с. 519.

ное” время для Иванова – это последствие первоначального бунта человека, который заявил о своем отдалении от Бога и о своей индивидуальности, произнеся первое утверждение: “Аз есмь”. Итак, время будет преодолено и потерпит поражение тогда, когда сам человек, после целого ряда логических и познанных положений, произнесет перед Богом решающую и примирающую фразу, последнее утверждение: “Ты еси”. Только тогда, как это было до первородного греха, творение вновь обретет свою нетленность и свою связь с вечностью¹³. Кроме того, если вечность является божественным атрибутом, то преодоление времени является творческим актом человеческого ума. Все это Иванов выражает в седьмом письме *Переписки из двух углов*, когда отстаивает “утверждение вертикальной линии, могущей быть проведенною из любой точки, из любого “угла”, лежащего в поверхности какой бы то ни было, молодой или дряхлой культуры”¹⁴, и когда характеризует память, как “начало динамическое”¹⁵, выражая понятие, которое мы можем назвать “памятью будущего”.

* * *

Такова ивановская феноменология, на базе которой можно было бы провести аналогии с поэзией Тютчева. Но там где Тютчев говорит:

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой первый сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?¹⁶;

---

¹³ См.: *Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la “Docta Pietas”*; Иванов В.И., Собр. соч., Т. III. сс. 434-448; особенно с. 443, с. 444. См. тоже поэма *Человек*.

¹⁴ Иванов В.И. – Гершензон М.О., *Переписка из двух углов*; Собр. соч., Т. III, с. 395.

¹⁵ Там же, с. 396.

¹⁶ Тютчев Ф.И., *Нет, моего к тебе пристрастья*; *Стихотворения*, Москва 1972, с. 101.

Человек из *Ночи в пустыне* у Иванова утверждает:

Лишь я хочу весь мир подвигнуть
 Ко всеобъятию; лишь я
 Хочу в союзе бытия
 Богосознания достигнуть¹⁷.

Оба провозглашают себя “первыми сынами” земли. Но Тютчев ищет убежища в ней, в ее сверкающей красоте, чтобы найти утешение, поддержку в преисполненной страданием жизни:

Весь день, в бездействии глубоком,
 Весенний, теплый воздух пить,
 На небе чистом и высоком
 Порою облака следить;
 Бродить без дела и без цели
 И ненароком, на лету,
 Набрести на свежий дух синели
 Или на светлую мечту¹⁸.

Иванов же, испытывая страстную любовь к природе, глубоко уверен, что человек мыслящий и творческий должен выполнить свою миссию по отношению ко всей природе,

la quale, come dice S. Paolo, ora geme aspettando la propria liberazione per mezzo dei figli di Dio¹⁹,

¹⁷ Иванов В.И., *Ночь в пустыне*; Собр. соч., Т. I, с. 519.

¹⁸ Тютчев Ф.И., *Нет, моего к тебе пристрастья*; Стихотворения, Москва 1972, с. 101.

¹⁹ Иванов В.И., *Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno*; Собр. соч., Т. III, с. 462 (“которая, по словам св. Павла, стенает и ждет освобождения своего посредством сынов Божиих”). См.: Св. Павел, Рим 8, 18-25: “Непшую бо, іако недостойны страсти нынѣшня време не къ хотящей славь іавитися въ насъ. / Чаюніе бо твари отъкровенія сыновъ божіихъ часть. / Суеть бо тварь повинуса не волею, но за повинувшаго ю на упованіи: / іако и сама тварь свободится отъ работы ислѣнїя въ свободу славы чадъ божіихъ. / Въмы бо, іако вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и сболъзнуеть даже до нынѣ. / Не точію же, но и сами начатокъ духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему. / Упованіемъ бо спасохомся. упованіе же видимое нѣсть упованіе: еже бо видить кто, что и уповаеть; / Аще ли егоже не видимъ, надѣмся, терпнїемъ ждемъ”. Привожу цитаты из Библии на старославянском языке, изданной Синодальной типографией в Москве 1904 г. В этих примечаниях, русский текст цитат произведений Иванова написанных им по-итальянски дан в переводе О. Дешарт, опубликованном параллельно ивановскому тексту.

при посредстве и

con l'uomo, risuscitato e reso fruttifero al pari del granello morto fra le zolle²⁰

при воздействии Слова. И когда, говоря о связи человека с природой, отмечает опасности присущие технологическому механизму современной науки, Иванов замечает:

Eppure lo spirito si regge e si fa vivo nella fede inconcussa, nella sacra nostalgia delle cose eterne, nella forza creatrice del genio. Questo anticipa spontaneamente la promessa pace colla natura: un toccare la materia in modo da trasfigurarla conforme alla di lei intima volontà è il toccare creativo. Il mondo non lo discerne e nemmeno ci bada: passa oltre disattento, perché s'affretta²¹

Таким образом он считает необходимым, чтобы любой акт познания был религиозным актом; и далее Иванов утверждает:

Secondo il concetto cristiano della realtà inferiore [...], neanche il mondo materiale sarà abolito e dissipato come un molesto e fallace sogno nel Regno di Dio, bensì quale tabernacolo del Verbo trascenderà il suo stato odierno caotico e meonico, cioè disunito ed oscillante tra l'essere e il non-essere, e diverrà veramente reale, realmente partecipe all'universale restaurazione e santificazione del creato. La natura si salva tutta quanta col corpo glorificato dell'uomo integrale nella futura risurrezione, perché essa è il corpo dell'uomo, e l'Uomo, che è uno nella molteplicità delle persone individuali ed immortali in cui si realizza, è, quale unità [...], il corpo di mistico di Cristo.

Che sublime edificio, fatto di antinomie e per ciò stesso stabile come il firmamento che si libra fermo sopra di noi, – un nuovo e pure il

---

²⁰ ИВАНОВ В.И., *Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno*; Собр. соч., Т. III, с. 462 (“вместе с человеком, умершим и ожившим подобно зерну среди глыб земных”).

²¹ Там же, с. 468 (“И всё же, вопреки всему, дух “дышит, где хочет”; он проявляется в неколебимой вере, в священной тоске по вечному и высшему бытию, в творческой силе гения. Так непосредственно предваряется обещанное примирение с Природою. Прикосновение к материи, преображающее ее сообразно ее собственной внутренней воле, есть прикосновение творческое. А внешний мир не разбирается в различиях между творческими и насильственными прикосновениями; он даже и внимания на них не обращает; он проходит рассеянно мимо, потому что торопится.”).

medesimo firmamento riscattato e giustificato, che abbraccia, conforme alla promessa “Dio sarà tutto in tutti”, il tragico divenire superato e l’essere beatifico, la molteplicità e l’unità, lo spirito e la materia transustanziata!²².

* * *

Желание свободной и чистой жизни духа выразил еще Тютчев в образе звезды:

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, –
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Полящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом²³.

Те же образы мы находим у Иванова, например в *Утренней звезде*, но обогащенные библейскими и религиозными символами:

Над опаловым востоком
В легионе светлооком
Блещет вестница Зари.
Ранних пастырей отрада,
Утра близкого лампада,
Благовестная, гори!
[...]

²² Там же, сс. 462-464 (“Согласно христианскому воззрению на низшую реальность, [...] материальный мир не будет отменен и изгнан из Царства Божия как вредный и обманчивый сон; он преодолев свое теперешнее состояние хаотическое и мзоническое, т.е. в себе разделенное, колеблющееся между бытием и небытием, сделается ковчегом Слова, будет реально участвовать в восстановлении вселенной и в освящении твари. Природа в будущем воскресении спасется вся, целиком, вместе с прославленной плотью целого человека, потому что природа есть тело человека, а Человек, являющийся единением множества отдельных бессмертных личностей, в которых он воплощается, есть как *единство* [...] мистическое тело Христа.

Что за чудесное здание, построенное из антиномий, и именно поэтому нерушимое как свод небесный, недвижно парящий над нами, – новый небосвод и всё тот же, освобожденный, оправданный, согласно обещанию “Бог будет всё во всем”, обнимающий, соединяющий трагическое становление и блаженное бытие, множество и единство, дух и преображенную материю!”). См. выше примечание 19.

²³ Тютчев Ф.И., *Душа хотела б быть звездой; Стихотворения*, Москва 1972, с. 121.

Ты одна, в венце рассвета,
Клонишь взоры, чадо света,
К нам с воздушного шатра,
Бедных снов утешный гений,
Средь немеркнувших селений
Мира дольного сестра!²⁴

Очевидно, что здесь поэт обращается к новозаветным источникам и для звездных атрибутов, и для тона горячей молитвы²⁵.

Звезда сияет “увереньем” и воодушевляет на тяжкую и скорбную стезю познания, рассматриваемую как Голгофу, тяжкое земное испытание, посылая человеку свое послание веры и деятельности: “Жизни верь, и жизнь вдохни!”²⁶.

[...]

День грядет, Аврора блещет, –
И твой тихий луч трепещет,
И твой бледный лик – исчез...

Но, незримая, над нами,
За лазурными волнами,
Чистым гением пребудь!
Как сестра пред братней битвой,
Дольний мир твоей молитвой
Проводи в тревожный путь!

И когда для жертвы мирной
Ночь раздвинет храм эфирный,
Снова светоч твой яви –
И, предтеча слав нетленных,
Отблеск тайн богоявленных
В грезе зрящей оживи!²⁷.

²⁴ Иванов В.И., *Утренняя звезда*; Собр. соч., Т. I, с. 524. См. выражение “чада света” у Св. Павла: Еф 5, 8-9 (“Бъсте бо иногда тьма, нынѣ же свѣтъ о господѣ: / якоже чада свѣта [в греческом оригинале сказано “τέχνα φωτός”] ходите: / плодъ бо духовный есть во всякой благостыни и правдѣ и истинѣ”); и другими словами, I Фес 5, 5 (“вси бо вы сынове свѣта [в греческом оригинале сказано “υἱοὶ φωτός”] есте и сынове дне: нѣсмы ноши, ниже тмы”). Иванов использует в качестве звездного атрибута то же выражение, какое используется в Новом Завете для определения первых христианских святых.

²⁵ См. далее примечание 27.

²⁶ Иванов В.И., *Утренняя звезда*; Собр. соч., Т. I, с. 525.

²⁷ Там же. Тон молитвы этих стихов, на мой взгляд, имеет свои корни в новозаветном мотиве утренней звезды: см. Откр 2, 26-28 (“И побѣждающему и

Итак, звезда – это поддержка в процессе познания, земной крест, которому соответствует крест “безбольный”²⁸ неба, знак освящения материи:

О, дольний мрак! О, дольний лес!

И ты – вдали – одна...

Потир земли, потир небес

Испили мы до дна.

О, крест земли! О, крест небес!

И каждый миг – “прости”!

И вздохи гор, и долго – лес,

И долго – крест нести!²⁹.

* * *

Но звезда является также хрупким и трепещущим существом, сестрой, alter ego человека, участвующей в его сомнениях,

---

соблюдающему дѣла моя до конца, дамъ ему власть на іазыцѣхъ: / и упасеть я жезломъ желѣзнымъ, іако сосуды скудельничи сокрушатся, іакоже и азъ пріяхъ отъ отца моего: и дамъ ему звѣзду утреннюю.”); Откр 22, 16 (“Азъ Іисусъ послахъ ангела моего засвидѣтельствовати вамъ сія въ церквахъ. азъ есмь корень и родъ давидовъ, и звѣзда утренняя и денница.”); 2 Петр I, 19 (“И имама известнѣйшее пророческое слово: емуже внимающе іакоже свѣтилу сіяюще въ темнѣмъ мѣстѣ, добръ творите, дондеже день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ.”); Мф 2, 2 (“гдѣ есть рождейся царь іудейскій; видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ, и придохомъ поклонитися ему.”).

Я вынуждена думать, что в двух заглавиях его произведений: сборнике стихотворений *Кормчие звезды* и сборнике очерков *По звездам*, Иванов хотел показать что звезды небесные ведут человека по пути надежды, познания и спасения. Кроме того, тот факт, что звезды являются названиями произведений, имеет, на мой взгляд, особое значение и может быть отнесен к Евангелию: Мф 5, 14-16: “Вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя. / Ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его под спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ (суть). / Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ чловѣки, іако да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ отца вашего иже на небесѣхъ”.

Я уже отмечала (см. примечание 24), что новозаветные выражения, служащие для определения первых христианских святых, Иванов использовал в качестве звездных атрибутов. Кроме того, новозаветная утренняя звезда может быть, на мой взгляд, первым символом божественно-человеческой мудрости.

²⁸ Иванов В.И., *Человек*; Собр. соч., Т. III, с. 205.

²⁹ Иванов В.И., *La selva oscura*, в сборнике стихов *Кормчие звезды*; Собр. соч., Т. I, с. 522.

трепете, заблуждениях, падениях, способности к возрождению. По этому поводу следует также упомянуть стихи Звезда Баратынского – поэта любимого Ивановым³⁰:

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ты назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит³¹.

Привожу также один отрывок из *Осени* Баратынского:

Пуслай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!³².

Из темы падающей звезды, ассоциированной с темой человеческой неуверенности и падения, Иванов выводит более общую проблему качества любви: в данном случае цитирую *Ночь в пустыне*:

О, горе мне! Моя молитва –
Благоволение и мир:
Но, мнится, я все так же сир,
Мечты губительной ловитва, –

---

³⁰ Напомню ссылку на Гете, которая объединяет Иванова и Баратынского, хотя они относятся к разным поколениям. См. лирику Баратынского *На смерть Гете* (1832): “Была ему звездная книга ясна, / и с ним говорила морская волна” (*Лирика*, Минск 1979, с. 152).

³¹ Баратынский Е.А., *Звезда* (1825); *Лирика*, Минск 1979, с. 93.

³² Баратынский Е.А., *Осень* (1836-1837); *Лирика*, Минск 1979, с. 189.

Как та падучая звезда,
 Как те судьбы ее подруги...
 Презрев уставленные круги,
 Сорвавшись градом, без следа
 Они угасли... Иль манила
 Любвеобильные светила
 Земная грудь на скользкий склон
 С тропы надежной? – тот же сон,
 Что мной владеет... Или, льстивый,
 Им Призрак нашептал, влюблѐн,
 Свои неясные призывы?...³³

Ошибка, связанная с уходом от верного пути, который, будучи правильным, является также “надежной тропой”, является лишь результатом нелюбви (“Презрев уставленные круги”), результатом восстания против совершенства и порядка творения или же результатом любви, пусть даже ошибочной? Или безграничное страдание в мире³⁴ является результатом ошибочной любви? Тогда можно сказать, что в ивановском мировоззрении уже изложенной антиномии между небом – местом творца и землей – местом существ соответствует напряженное противоречие в стремлениях творения: с одной стороны тяготение к Богу, который хотя и невидим, является всезаключающей в себе, универсальной и трансцендентной идеей (в платоновском смысле), истиной и добром; с другой стороны, неустойчивая, частичная, кажущаяся любовь между существами, когда они взаимно притягивают и обольщают друг друга, забывая о своей связи с Богом, губя себя.

Решая проблему качества любви в аналогичной проблеме познания а, следовательно, формулируя свои взгляды на проблему культуры, Иванов в *Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la “Docta Pietas”* в 1934г. скажет:

L’“anima di verità” del vero umanesimo è l’Eros platonico: ora, che cosa è questo se non l’amore vissuto come un continuo trascendere se stesso? Non è quindi il vero umanesimo quello che preclude all’uomo la vita soprannaturale³⁵.

³³ Иванов В.И., *Ночь в пустыне*; Собр. соч., Т. I, с. 531.

³⁴ Там же, с. 528, где “земная грусть” – “Вселенной перезвон соборный”.

³⁵ Иванов В.И., *Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la “Docta Pietas”* Собр. соч., Т. III, с. 438 (“Душа истины” подлинного гуманизма есть Эрос Платона: а

Perché, infatti, l'affermazione dell'uomo non dovrebbe essere l'affermazione di Cristo? E come la filosofia della storia non può essere per un cristiano che cristocentrica, perché non dire altrettanto dell'umanesimo? Tale fu d'altronde l'atteggiamento degli antichissimi umanisti cristiani [...], affinché dell'eterno retaggio neanche una iota si perda, bensì ogni pregio si trasfonda integro nella pienezza della gloria dell'uomo quale figlio di Dio³⁶.

В том же *Письме* Иванов утверждал:

[...] la mia fiducia nell'uomo si fonda appunto su quella fede che vi sembra essere l'antitesi della libertà, sulla fede che ponendolo al centro del creato qual essere libero capace del libero divenire, lo condanna e lo riscatta, lo vede decaduto e lo divinizza, sulla fede che si specchia nel puro cristallo dei dogmi, attonita dinnanzi a cotanto abisso di luce che dentro di sé racchiude, sulla fede cristiana che sola m'insegna che cosa l'uomo sia e rivelandomi insieme la sua colpa e il suo pregio mi rende purificato e giustificato il mio naturale umanesimo quale culto dell'umana dignità, per quanto ristretti siano i limiti entro i quali esso lo circo-scrive³⁷

* * *

Размышляя об основном значении, которое звезда имеет в концепции Иванова, как о путеводном луче, данном человеку,

---

Эрос Платона, не есть ли это любовь, переживаемая как непрерывный 'трансцензус' себя? Значит, гуманизм, лишаящий человека духовной жизни, не есть правый, подлинный гуманизм").

³⁶ Там же, с. 440 ("И почему бы утверждению человека не быть утверждением Христа? Философия истории для христианина всегда христоцентрична, что относится и к гуманизму. Христоцентрическим было и учение старейших христианских гуманистов [...]; и тогда ни одна иота древнего наследия не будет утрачена, но каждая ценность, теряя себя целостным погружением во вселенскую полноту, умрет и возродится к вящей славе человека, осознавшего свое богосыновство.").

³⁷ Там же, с. 436 ("мое доверие зиждится на той именно вере, которую Вы считаете антитезой свободы, на вере, которая, полагая человека в центре творения как существо свободное, способное к свободному становлению, осуждает его и искупает, видит его падшим и обожествляет его, на вере, отраженной в незапятнанном зеркале догм, пораженной бездной света, в ней самой заключенного, – на христианской вере, которая она одна учит меня познать человека, каков он действительно есть и, открывая мне вину его и подвиги, очищает, оправдывает мой непосредственный гуманизм обращением его в культ человеческого достоинства, хоть и уски рамки, в которые оно вльвается.").

чтобы привести его к Богу, как о символе божественной любви, я думаю также о возможном влиянии поэтического мира *Кормчих звезд* и ведущей идеи сборника очерков *По звездам* на молодого Маяковского, футуриста и революционера. Я имею в виду драматическую тему Маяковского овращения к богу, например, в *Облаке в штанах*. Здесь также стоит привести стихотворение *Послушайте*, написанное в 1914 году:

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –

значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?

Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?

И, надрываясь

в метелях полуденной пыли,

врывается к богу,

боится, что опоздал,

плачет,

целует ему жилистую руку,

просит –

Чтоб обязательно была звезда! –

клянется –

не перенесет эту беззвездную муку!

А после

ходит тревожный,

но спокойный наружно.

Говорит кому-то:

“Ведь теперь тебе ничего?

Не страшно?

Да?!”

Послушайте!

Ведь если звезды

зажигают –

значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – это необходимо,

чтобы каждый вечер

над крышами

загоралась хоть одна звезда?!³⁸

³⁸ Маяковский В.В., *Послушайте; Стихотворения-поэмы*, Москва 1969, с. 27.

Маяковский в этом стихотворении принимает созерцательную, размышляющую и религиозную позицию Иванова человек-звезда-Бог; но в крайнем своем революционном нетерпении он разрушает эту связь. Таким образом, создается ситуация абсолютной необходимости: отчаявшийся человек-персонафицированный бог-и “хоть одна звезда”.

Кроме того, мне кажется, что показателем чарующей силы идеи Иванова является эпизод с ученым диспутом в переполненной аудитории Политехнического Музея, происшедший после Октябрьской революции, когда Иванов, выступивший на тему о Христе и Антихристе, о Боге страдающем и о Божьих угодниках, был встречен такими же бурными аплодисментами, как и предыдущий оратор – Нарком Просвещения А.В. Луначарский³⁹.

* * *

В первой части поэмы *Человек* мы находим, еще до начала времен, до существования греха и его осуждения, изображение земного рая, воплощение идеи золотого века по Иванову:

Когда небесная Земля,
Согрета Солнцем запредельным,
Благословенные поля,
Вздыхала лоном колыбельным,

Неся в лазури первых сфер
Эфирный сев, Отцом посеян, –
Был в сердце Розы Люцифер
Неизреченно возлелеян.

Развертывались чередой,
Как лепестки, иерархии:
Он был предмирной литургии
Дориносимую звездой⁴⁰.

И звезда, сочетаемая с ангелом (еще непавшим Люцифером), является элементом теологии, прославляющим Бога, согласно предыдущим поэтическим эпитетам: “вестница Зари”,

³⁹ Введение к книге: Иванов В.И., Собр. соч., Т. I, с. 160.

⁴⁰ Иванов В.И., *Человек*; Собр. соч., Т. III, сс. 201-202.

“Ранних пастырей отрада”, “Утра близкого лампада”, “Благо-вестная”⁴¹ и согласно Книге Псалмов, например, где мы читаем:

Небеса повѣдаютъ славу божию,
твореніе же руку его возвѣщаетъ твердь.
День дни отърыгаетъ глаголь,
и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ.⁴²

Размышляя об основных установках современного духа, Иванов в 1933 г. сказал:

Orbene, non vi è una fede degna del suo nome e del valore che afferma, che non trascenda la limitatezza e la relatività delle cose umane, né un orientamento sicuro e tanto meno spirituale che verso la verità e i valori trascendenti; fuori di questo ogni altro orientamento inganna il viandante e lo delude, essendo condizionato dalle vicende della vita e dall'eterno travestimento del divenire. Ogni esperienza intima d'immanenza pura, in quanto nega le proprie radici che s'appigliano alle cose trascendenti, nega se stessa e si rivela alla ragione indagatrice in ultimo come contingenza⁴³.

L'età presente ha bisogno di coltivare l'anima. Essa è necessaria per l'integrazione della personalità. [...]. Ma questo scopo non si raggiunge per mezzo d'istituzioni [...]. L'unica via è la via dello spirito. Perciò è salutare la ricerca d'un orientamento nelle cose spirituali. Né questo può essere altro che verso l'almo Sole e le eterne stelle concepite nel senso anagogico: verso l'Amor divino dunque che “mosse dapprima quelle cose belle”, come dice il più grande poeta della cristianità, – verso “l'Amor che muove il Sole e l'altre stelle”⁴⁴.

⁴¹ Иванов В.И., *Утренняя звезда*; Собр. соч., Т. I, с. 524.

⁴² Псалом 18, 2-3. См. Также: Пс 148, 2-3; Пс 96, 6; Ис 40, 26; примечание 44.

⁴³ Иванов В.И., *Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno*; Собр. соч., Т. III, сс. 470-472 (“И однако: нет веры, достойной этого наименования и знаменуемой им ценности, кроме той, которая преодолевает ограниченность и относительность человеческих дел, как нет надежного направления, особенно духовного, кроме того, которое ведет к безусловной, трансцендентной истине: всякое другое направление обманывает и разочаровывает путника, т.к. оно меняется в зависимости от внешних жизненных обстоятельств и от постоянных изменений самого становления. Всякий внутренний опыт чистой имманентности, отрицая собственные корни, находящиеся в сфере трансцендентной, отрицает тем самым и самого себя и естественно расценивается испытующим разумом как несостоятельная случайность.”).

⁴⁴ Там же, с. 480 (“Теперешнее время требует особой заботы об Анима. Без Психей, без ее песен невозможно воцеление личности. [...]. Но недостижима

На основании этого можно вывести заключение, что исторический путь человечества по Иванову является в прямом смысле христианским путем, так как

Il cristianesimo è, a confronto delle altre religioni, l'affermazione più radicale della discesa divina, spinta fino alla sepoltura del Dio-Uomo nel seno della terra⁴⁵.

И с точки зрения исторической поэт утверждает, что

il cristianesimo non è solo l'azione dell'intelligenza divina e del divino Amore nell'umanità, ma anche quella della Memoria, sebbene l'attuazione integrale di quest'ultima, e con ciò la manifesta giustificazione dell' 'anima di verità' della nostra cultura, sia riserbata al giorno della compiuta ecumenicità cristiana⁴⁶.

Rosella Winternitz De Vito

такая цель посредством общественных учреждений [...]. Единственно верный путь есть путь духа. Потому благотворно искать ориентацию в вещах духовных. И в поисках ее нам естественно устремляться к высшему Солнцу и к вечным Звездам, понимаемым в смысле анагогическом, устремляться к “Любви божественной”, которая “впервые привела в действие все эти чудесные вещи”, как говорит величайший поэт христианства, – к “Любви, которая движет Солнце и другие звезды” – verso l'Amor che muove il Sole e l'altre stelle”). – “L'amor che muove il sole e l'altre stelle”, последний стих Божественной Комедии (Dante Alighieri, *La Divina Commedia, Paradiso*, XXXIII, 145). См. также Ад 1, 37-40. Сотворение света и звезд как выражение любви Бога является библейской концепцией. См., например: Быт 1, 3-8; 1, 14-19; Бар 3, 32-35; Сир 43; Иер 31, 35; Иов 38, 6-7; 38, 31-33; Пс 135, 7-9; Пс 32, 6; Пс 92, 1; Пс 103; Пс 143, 4-6; Пс 146, 4. См. также: Пс 88, 37-38; Пс 71, 5-7; Рим 1, 20; 2 Кор 4, 6; Ин 8, 12; Деян 14, 17. См. выше примечание 42.

⁴⁵ ИВАНОВ В.И., *Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno*; Собр. соч., Т. III, с. 462 (“Христианство, по сравнению с другими религиями, есть наиболее радикальное утверждение божественного нисхождения, доведенного до погребения Бога-Человека в лоне земли.”). Обращая внимание на доктрину *descensus*, отсылаю к ‘Communiò’, 55, за январь-февраль 1981 г. Там же см. особенно: W. MAAS, *Discese all'inferno – Aspetti di un articolo di fede dimenticato*, сс. 20-40; A. DELL'ASTA, *Una parola all'estremità del silenzio: il Cristo teologico di Dostoevskij*, сс. 71-90.

⁴⁶ ИВАНОВ В.И., *Lettera ad Alessandro Pellegrini sopra la “Docta Pietas”*; Собр. соч. Т. III, с. 442 (“в человечестве христианство живет и движется не только воздействием Разума божественного и божественной любви, но и воздействием Памяти, хотя Память предстанет во всей полноте и обнаружит непреложно наличие “души истины” в нашей культуре только тогда, когда наступит окончательное торжество христианской соборности.”).